

15-Iyun, 2026-yil

ИРОНИЯ КАК МЕХАНИЗМ РАСХОЖДЕНИЯ МЕЖДУ СКАЗАННЫМ И ПОДРАЗУМЕВАЕМОМ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ

Холбутаева Феруза Бобировна

старший преподаватель

Андижанского филиал

Кокандского университета

xabibullaevaferuz@gmail.com

Аннотация. Тезис посвящён иронии как прагматическому механизму, при котором буквальное содержание высказывания вступает в противоречие с контекстом и запускает процедуру вывода скрытого смысла. На сопоставительном материале русской и узбекской речевой практики рассматриваются: (1) когнитивно-прагматическая схема интерпретации иронии (контекстная активация ожиданий → обнаружение несоответствия → прагматический вывод → оценочный эффект); (2) типовые контекстные «триггеры» (ожидание/результат, норма/нарушение, обещание/реальность, самооценка/факты); (3) языковые и дискурсивные маркеры (псевдопохвала, гипербола, риторический вопрос, модальные частицы, графика цифровой речи); (4) функции иронии (оценочная, регулятивная, фатическая, защитная, идентификационная). Показано, что универсальная когнитивная основа иронии реализуется в двух лингвокультурах неодинаково: русская коммуникация чаще допускает более эксплицитную, критически-оценочную иронию, тогда как узбекская речевая традиция в ряде контекстов предпочитает имплицитные и смягчённые стратегии, ориентированные на сохранение лица собеседника и учет статусной асимметрии. Отмечены типичные причины межкультурных сбоев: восприятие русской иронии как резкости и буквальное прочтение узбекской имплицитной иронии.

Ключевые слова: ирония, импликатура, прагматический вывод, контекст, инконгруэнтность, оценка, (не)вежливость, лицо (face), дискурс, русский язык, узбекский язык.

Введение

Актуальность обращения к иронии определяется тем, что в современной речевой практике она выступает не только как стилистический приём, но и как сложный когнитивно-прагматический механизм смыслообразования. Ироническое высказывание обнаруживает несовпадение между буквальным планом сообщения и реальной коммуникативной установкой говорящего, поэтому его понимание требует учёта контекста, фоновых знаний, интонации, социальных ролей и культурных норм общения.

Особую значимость данная проблема приобретает в сопоставительном аспекте. Русская и узбекская речевые традиции обладают общими когнитивными основаниями

15-iyun, 2026-yil

интерпретации иронии, однако различаются по степени допустимой эксплицитности оценки, способам смягчения критики и нормам сохранения коммуникативного равновесия. В связи с этим один и тот же иронический механизм может по-разному реализовываться в конкретных речевых ситуациях и неодинаково восприниматься адресатом.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении механизма расхождения между сказанным и подразумеваемым в русской и узбекской речевой практике, а также в описании тех языковых, дискурсивных и культурно-прагматических факторов, которые обеспечивают распознавание иронического смысла. Для достижения данной цели рассматриваются контекстные триггеры иронии, типичные маркеры иронического высказывания, функции иронии в коммуникации и возможные причины межкультурных интерпретационных сбоев.

Методологическую основу анализа составляют положения прагматики, когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации, в рамках которых ирония понимается как результат нарушения ожидаемой смысловой схемы и последующего прагматического вывода. Такой подход позволяет рассматривать иронию не изолированно, а в системе отношений между языковой формой, контекстом, намерением говорящего и культурными ожиданиями адресата.

Ирония — один из наиболее показательных феноменов прагматики, демонстрирующий, что смысл высказывания может быть не равен его буквальному содержанию. В иронических репликах «сказанное» функционирует как оболочка, которая намеренно не совпадает с реальным отношением говорящего, а «подразумеваемое» восстанавливается адресатом через контекст и выводимые смысловые связи. Поэтому ирония особенно чувствительна к (а) общему знанию участников общения, (б) ситуации и жанру, (в) социальным отношениям (дистанция, статус, возраст), (г) культурным нормам допустимости критики и шутки.

Сопоставление русской и узбекской речевой практики позволяет выявить не только общие когнитивные механизмы иронии, но и культурно-прагматические параметры её использования. В русской коммуникации ирония часто служит инструментом открытой оценки и демонстрации позиции; в узбекской — при сходных когнитивных основаниях могут усиливаться стратегии смягчения и сохранения гармонии общения, особенно в ситуациях статусной асимметрии. Это делает тему актуальной для межкультурной коммуникации, перевода, обучения языкам и прагматической компетенции.

Материал в рамках тезиса может включать: диалогические фрагменты художественной прозы/драматургии, интервью, публичную речь, повседневные диалоги и цифровое общение (комментарии, чаты). Важно, что ирония в цифровой среде часто получает дополнительные маркеры (кавычки, эмодзи, многоточие), что снижает риск неверного прочтения, но не устраняет культурные расхождения уместности. В рамках прагматики и когнитивной лингвистики ирония описывается как явление, где адресат вынужден перейти от буквального содержания к

15-iyun, 2026-yil

реконструкции намерения говорящего. В классической традиции (Grice) ирония объясняется «видимым» нарушением ожиданий кооперации и последующим выводом имплицатуры. В релевантной теории (Sperber, Wilson) подчёркивается, что говорящий часто «отсылает» к некоторому ожиданию/позиции (эхо-упоминание) и выражает оценочную дистанцию. В когнитивных моделях центральна идея **инконгруэнтности** (несоответствия) как «сигнала» к поиску второго смысла.

Рабочая модель интерпретации иронии в сопоставительном анализе может быть представлена так:

1. **Контекстная активация ожиданий.** Адресат «знает», как должно быть в данной ситуации (сценарий нормы).
2. **Обнаружение несоответствия.** Буквальная реплика не согласуется с фактом/ожиданием (например, похвала при очевидной ошибке).
3. **Прагматический вывод (имплицатура).** Адресат реконструирует истинную оценку: «говорящий считает наоборот/иначе».
4. **Социальная проверка уместности.** Адресат соотносит вывод с отношениями участников, жанром, этикетом и вероятной целью реплики.
5. **Прагматический эффект.** Возникает оценка, юмор, дистанция, смягчение конфликта или, напротив, усиление критики.

Эта схема позволяет отделить иронию от соседних явлений: **сарказм** (как более агрессивная, часто «ударная» форма негативной оценки), **шутку** (не обязательно основанную на оценочном расхождении), **поддёвку/стёб** (часто с выраженной групповостью и доминированием). В русской и узбекской речи ирония наиболее часто возникает в ситуациях, где контекст делает буквальное высказывание очевидно неуместным:

- **Ожидание ↔ результат:** «Отлично сработали» при провале;
- **Норма ↔ нарушение:** «Ну ты пример дисциплины» при демонстративном нарушении правила;
- **Обещание ↔ реальность:** «Да-да, завтра точно сделаю» в ситуации хронического невыполнения;
- **Самопрезентация ↔ факты:** «Гений планирования» при очевидной непредусмотрительности;
- **Публичная роль ↔ поведение:** ирония над несоответствием статуса и действий.

Сопоставительно важно, что набор триггеров в целом совпадает (универсальность когнитивной базы), но **социальная цена иронии** различна. В ряде узбекских контекстов (например, общение с старшими, официальная ситуация, публичное «сохранение лица») прямой иронический «укол» может быть менее допустимым, чем в русской повседневной коммуникации, и потому стратегия будет чаще смещаться к намёку, самоиронии или нейтральному юмору.

Ирония редко «живёт» в одном маркере: обычно это комплекс сигналов.

15-iyun, 2026-yil

- **Псевдопохвала:** слова позитивной оценки в контексте негативного результата (“молодец”, “прекрасно”, “гениально”).
- **Оценочные ярлыки:** “герой”, “мастер”, “профессионал” при обратном смысле.
- **Гипербола/литота:** “великолепно”, “лучше не бывает” при явной проблеме.

В узбекской речи подобную роль могут играть позитивные клише и формулы одобрения, которые в конкретной ситуации читаются как оценочное «переворачивание». При этом часто более значима **интонация** и контекст уважительности.

- **Риторические вопросы:** “Ну и что это было?” / “Сенга шу керакмиди?”
- **Восклицание и парцелляция:** “Ну конечно. Как же.”
- **Повтор и инверсия** как усиление оценочной дистанции.
- Частицы, вводные слова, формулы согласия с оттенком неверия (“ну да”, “ага”, “как же”).
- **Метакомментарии** (“супер”, “вот это уровень”, “замечательно”), которые в контексте работают как «антиоценка».
- **Интонационный рисунок**, пауза, улыбка, «сухой тон» или, наоборот, нарочитая экспрессия.
- В цифровой речи: кавычки, многоточие, эмодзи, меметические элементы (“👉”, “😊”, “ну дааа...”).

Сопоставительная тенденция: в русской речи «иронический ключ» часто может быть обозначен достаточно прямо (лексика + частицы), а в узбекской — нередко требуется более тонкая настройка на контекст, статус и этикет; поэтому маркеры могут быть «мягче» и сильнее зависеть от ситуации и отношений. Примеры ниже демонстрируют механизм «псевдопохвала → выводимый негативный смысл». Они не претендуют на исчерпывающий корпус, но отражают типовую структуру.

Ожидание↔результат

Рус.: — *Ты опять не отправил файл вовремя. — Ну конечно, ты у нас образец пунктуальности.*

Узб.: — *Hijjatni yana vaqtida yubormading. — Ha, “o‘z vaqtida” degan gap senga juda mos...*

Норма↔нарушение

Рус.: — *Ты в аудитории разговариваешь по телефону. — Отличная дисциплина, просто эталон.*

Узб.: — *Dars paytida telefon? — Zo‘r odob, rosa “namuna”...*

Самопрезентация↔факты

Рус.: — *Я всё продумал. (после ошибки) — Гений стратегического планирования.*

Узб.: — *Hammagini o‘ylab qo‘ydim. — Ha, strategiya bo‘yicha “ustoz” ekansan...*

Здесь принципиально, что буквальная похвала конфликтует с контекстом; адресат «переключается» на выводимый смысл.

15-iyun, 2026-yil

В обеих лингвокультурах ирония выполняет ряд функций:

1. **Оценочная** — выражение отношения (часто критического) без прямого утверждения негативного признака.
2. **Регулятивная** — корректировка поведения адресата через намёк/укол/сигнал нормы.
3. **Фатическая** — создание «своего круга», солидарности, общности юмора.
4. **Защитная** — самоирония как способ снять напряжение и избежать прямой конфронтации.
5. **Идентификационная** — маркирование принадлежности к группе и общих кодов.

Сопоставительная интерпретация:

- В русской повседневной коммуникации относительно чаще встречаются случаи, где ирония выполняет **позиционную и критически-оценочную** роль (сигнал несогласия, скепсиса, дистанции).
- В узбекской традиции (особенно в ситуациях официальности или статусной асимметрии) может усиливаться функция **смягчения**: ирония выбирается так, чтобы не разрушить отношения и не создать публичной угрозы лицу собеседника; нередко предпочтительны формы самоиронии или юмора без прямого адресного укола.

Важно подчеркнуть: речь идёт о тенденциях, а не жёстких правилах. В близком кругу, среди ровесников и друзей, узбекская ирония может быть столь же выразительной, но правила уместности и риски «потери лица» чаще остаются значимым фильтром.

На пересечении русскоязычной и узбекоязычной коммуникации типичны два типа сбоев:

1. **Сбой уместности (прагматическая оценка реплики).** Русская эксплицитная ирония может восприниматься как резкость/оскорбление, если адресат ожидает более уважительной и непрямой формы критики (особенно при статусном неравенстве).
2. **Сбой распознавания (ошибка в интерпретации).** Узбекская имплицитная ирония, выраженная мягко и контекстно, может быть прочитана буквально русскоязычным адресатом, что приводит к неверной оценке намерения говорящего.

Заключение

Практический вывод: обучение межкультурной прагматике должно включать не только «словарь маркеров иронии», но и сценарии уместности: кто с кем говорит, в какой ситуации, с какой целью, и какие стратегии сохранения лица ожидаются в данной культуре. Ирония в русском и узбекском языках имеет общую когнитивно-прагматическую основу: смысл возникает в результате контекстного несоответствия и последующего прагматического вывода. Различия проявляются в распределении

15-iyun, 2026-yil

стратегий и степени эксплицитности: русская коммуникация чаще допускает более открытое выражение критически-оценочной позиции, узбекская — в ряде контекстов предпочитает имплицитность и смягчение, учитывая нормы уважительности и статусные отношения. Перспективой исследования является корпусное описание иронических маркеров в диалогах и цифровом дискурсе, а также разработка практических рекомендаций для перевода и обучения прагматической компетенции.

Проведённый анализ показывает, что ирония в русской и узбекской речевой практике строится на едином принципе смыслового расхождения: буквально выраженная оценка вступает в противоречие с ситуацией, а адресат восстанавливает подразумеваемый смысл через контекст, коммуникативный опыт и знание норм взаимодействия. Следовательно, ирония не может быть сведена только к лексическому или стилистическому приёму, поскольку её интерпретация зависит от целого комплекса когнитивных, прагматических и социокультурных условий.

Сопоставительный материал подтверждает, что различия между русской и узбекской иронией проявляются прежде всего не в самом механизме образования скрытого смысла, а в степени его открытости и в правилах коммуникативной уместности. Для русской речевой практики более характерна эксплицитная критико-оценочная направленность иронии, тогда как в узбекской коммуникации значимую роль играют имплицитность, намёк, самоирония и стратегии сохранения лица собеседника, особенно при возрастной, статусной или официальной дистанции.

Таким образом, изучение иронии в сопоставительном русско-узбекском аспекте имеет как теоретическое, так и прикладное значение. Теоретически оно уточняет представление об иронии как о когнитивно-прагматическом феномене, а практически способствует развитию межкультурной компетенции, повышению качества перевода и более точному обучению прагматике русского и узбекского языков. Перспективным направлением дальнейшего исследования является создание корпуса иронических контекстов с учётом жанра, формы общения, статуса участников и цифровых маркеров иронического смысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Attardo, S. 2000. *Irony as relevant inappropriateness*. Journal of Pragmatics 32(6). 793–826.
2. Grice, H. P. 1975. *Logic and conversation*. In: Cole, P. & Morgan, J. (eds.). *Syntax and Semantics 3: Speech Acts*. New York: Academic Press. 41–58.
3. Sperber, D. & Wilson, D. 1981. *Irony and the use-mention distinction*. In: Cole, P. (ed.). *Radical Pragmatics*. New York: Academic Press. 295–318.
4. Sperber, D. & Wilson, D. 1995. *Relevance: Communication and Cognition* (2nd ed.). Oxford: Blackwell.
5. Sperber, D. & Wilson, D. 1998. *Irony and relevance: A reply to Seto, Hamamoto and Yamanashi*. In: Carston, R. & Uchida, S. (eds.). *Relevance Theory: Applications and Implications*. Amsterdam: Benjamins.

15-iyun, 2026-yil

6. Clark, H. H. & Gerrig, R. J. 1984. *On the pretense theory of irony*. Journal of Experimental Psychology: General 113(1). 121–126.
7. Kreuz, R. J. & Glucksberg, S. 1989. *How to be sarcastic: The echoic reminder theory of verbal irony*. Journal of Experimental Psychology: General 118(4). 374–386.
8. Kumon-Nakamura, S., Glucksberg, S. & Brown, M. 1995. *How about another piece of pie: The allusional pretense theory of discourse irony*. Journal of Experimental Psychology: General 124(1). 3–21.
9. Giora, R. 1998. *Irony: Graded salience and indirect negation*. Metaphor and Symbol 13(2). 83–101.
10. Giora, R. & Fein, O. 1999. *Irony: Context and salience*. Metaphor and Symbol 14(4). 241–257.
11. Gibbs, R. W. 2000. *Irony in talk among friends*. Metaphor and Symbol 15(1–2). 5–27.
12. Gibbs, R. W. & Colston, H. L. (eds.). 2007. *Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader*. New York: Routledge.
13. Dynel, M. 2014. *Linguistic approaches to (non)humorous irony*. Humor: International Journal of Humor Research 27(4).
14. Dynel, M. 2017. *A battle over the etic and emic “sarcasm” and “irony” labels*. Language Sciences 63. 1–17.
15. Toplak, M. E. & Katz, A. N. 2000. *On the uses of sarcastic irony*. Journal of Pragmatics 32(10). 1467–1488.

Global
Science
Publication